

И.Н. Лапицкая (Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В составе диалектной лексики могилевско-смоленского пограничного региона, как и в литературных русском и белорусском языках, существует большое количество эмоционально окрашенной оценочной лексики, образование которой связано с метафорическим переносом наименований. Особый интерес представляют диалектные метафоры, значения которых обращены к человеку. Подобного рода метафорические единицы иллюстрируют собой антропоцентрическую направленность метафоризации – наименование человека именами других объектов с целью его эмоционально-оценочной характеристики.

Антропоцентрическая метафора базируется на образном складе народного мышления и является результатом постепенного накопления информации, закрепления определенных смыслов за наименованиями каких-либо предметов, существ в процессе формирования коллективных языковых представлений.

Источником языкового материала послужил электронный вариант «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров», подготовленный преподавателями Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова.

Анализ диалектного языкового материала показывает, что в говорах могилевско-смоленского пограничья номинации, относящиеся к образной характеристике человека, создаются, как правило, по следующим метафорическим моделям: «животное → человек» (*рудка* 1) ‘корова, лошадь рыжей масти’, 2) ‘рыжеволосый человек’); «предмет → человек» (*дерюга* 1) ‘грубое самотканое одеяло, сшитое в виде мешка из двух полотнищ’, 2) ‘о толстом человеке’); «растение → человек» (*беляшка* 1) ‘гриб волнушка белая’, 2) ‘о светловолосом, белокуром ребенке’); «человек → человек» (*байдус* 1) ‘крупный, здоровый ребенок, подросток’, 2) ‘лентяй, бездельник, лежебока’).

В основе метафорического переноса наименования лежат разнообразные мотивационные признаки. Например, у существительных, принадлежащих к семантической сфере «предметы обихода», основанием для метафоризации могут служить внешний вид предмета (*глёк* 1) ‘глиняный кувшин с узким горлом’, 2) ‘толстый человек; тол-

стяк'), его свойство (*барбол* 1) 'колокольчик, привязываемый на шею скотине', 2) 'болтун, краснобай') или значимость (*гнилушка* 1) 'старое, ветхое жилище; халупа', 2) 'хилый, болезненный человек').

Антропоморфная метафора отличается богатством семантических оттенков, характеризующих разнообразные стороны личности человека: его внешний облик (*кавэшка* 1) 'жирная курица', 2) 'о полном, тучном человеке; *горбыль* 1) 'небольшая возвышенность, пригорок, холм', 2) 'горбатый или сутулый человек'); психические свойства (*бандура* 1) 'длинная дубовая лавка', 2) 'об упрямом человеке'); интеллектуальные качества (*балдава* 1) 'трость с набалдашником', 2) 'о бестолковом, глуповатом человеке').

Как видно из уже приведенных примеров, подобного рода словам-характеристикам присуще наличие, помимо денотативного, коннотативного компонента в структуре значения. При этом подавляющее большинство диалектных метафор демонстрируют преобладание отрицательной, пейоративной оценки над положительной, мелиоративной. Вместе с тем, следует отметить, подобное преобладание негативной оценки личностного типа является отличительной чертой метафорических номинаций человека не только в говорах могилевско-смоленского пограничья, это «языковая универсалия» [1; 63]. Положительные качества как будто не замечаются субъектами номинации, поскольку воспринимаются как норма. Отклонения же от нее оцениваются отрицательно, что и находит отражение в семантике диалектных метафор.

В свою очередь метафорические номинации пейоративной оценки обнаруживают большое семантическое разнообразие и языковую устойчивость. Например, отрицательно могут оцениваться такие внутренние и внешние качества человека, как глупость (*балдаवेशка* 1) 'обрубок дерева, бревна; чурбан', 2) 'обгоревшее полено, головня', 3) 'голова', 4) 'о бестолковом, глуповатом человеке'); лень (*абалок* 1) 'куча земли', 2) 'количество груза, которое может поместиться на одном возу', 3) 'ленивый человек, увалень'); болтливость (*балабайка* 1) 'балалайка', 2) 'болтун, пустозвон'); сварливость, придиричивость (*бубнила* 1) 'человек, играющий на бубне', 2) 'ворчун, бормотун, брюзга'); грубость (*рюховка* 1) 'свинья', 2) 'о грубом, невоспитанном человеке'); злость, вспыльчивость (*биток* 1) 'яйцо, которым бьются в пасхальных играх', 2) 'драчун'); жадность (*бериха* 1) 'женщина, теребящая вручную лен', 2) 'о жадном, скупом человеке'); ненасытность (*мялица* 1) 'самодельный деревянный станок, на котором мяли лен или коноплю', 2) 'обжора'); упрямство (*бутян* 1) 'аист', 2) 'об упрямом, своевольном человеке'); легкомысленность (*пустушка* 1) 'непаханая, не подвергавшаяся обработке земля, целина', 2) 'неплодородная земля', 3) 'несамостоятельный, легкомысленный человек'); неряшливость (*отопок* 1) 'сношенная обувь', 2) 'неряха, грязнуля'); медлительность, нерасторопность, бестолковость (*остатуй* 1) 'истукан', 2) 'о неповоротливом, медлительном человеке'; *гламазда* 1) 'плохо, кое-как сделанная вещь', 2) 'растяпа'); иждивенство (*хлебник* 1) 'пекарь', 2) 'тот, кто развозит хлеб по деревням', 3) 'емкость для хранения хлеба; хлебница', 4) 'нахлебник').

Подвергаются порицанию и некоторые физические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но проявляющиеся избыточно, а именно: чрезмерная худоба или полнота (*хлбостина* 1) 'прут, хворостина', 2) 'высокий, худой человек'; *пехтерь* 1) 'веревочная сетка, в которую накладывали сено', 2) 'о толстом человеке'); чрезмерно высокий рост (*поплетина* 1) 'длинная жердь', 2) 'человек высокого роста'); внешняя непривлекательность (*рябуха* 1) 'рябая курица', 2) 'женщина с лицом, усеянным веснушками'); дряхлость, немощность (*трухлѣ* 1) 'сухое, сгнившее дерево', 2) 'болезненный, слабый, немощный человек').

Анализ диалектного лексического материала показывает, что наиболее часто человек осуждается по таким личностным качествам, как «отношение к труду» (в говорах отмечается большое количество слов для номинации ленивого человека), «отношение к материальному миру» (осуждается неряшливость и жадность). Большим числом лексем представлены также характеристики глупого, тучного, медлительного и болтливого человека.

Обращает на себя внимание активное использование в качестве антропоцентрических метафор диалектной лексики, принадлежащей к тематической группе «дерево / часть дерева / изделия из дерева»: *тельпух* 1) колода, 2) толстый, неуклюжий человек; увалень; *баклуша* 1) «обрубок дерева, чурка», 2) «лентяй, бездельник»; *осколёпок* и *оск-лёпок* 1) «древесная щепка», 2) «недотепа»; *бирюлька* 1) «деревянная застёжка», 2) «непостоянный, ветреный, легкомысленный человек»; *трепышка* 1) «деревянная лопатка для трепания льна, волокна; колотушка», 2) «приспособление для затачивания косы», 3) «болтун, пустослов»; *рассоха* 1) «рабочая часть сохи в виде деревянного бруса с изогнутыми и раздвигающимися концами, на которые набивались сошники», 2) «разновидность сохи», 3) «неловкий, неуклюжий человек» и др.

Мелиоративный характер оценки свойствен лишь небольшому количеству слов, например: *аксамитка* 1) «ткань бархат», 2) «изделие из бархата», 3) «о красивой девушке»; *анчутик* 1) «нечистая сила, черт, бес», 2) *шутл.* «маленький ребенок»; *бабушечка* 1) «булка, лепешка из муки; пампушка», 2) «о полном, упитанном ребенке» и др.

В целом, изучение данного разряда диалектных лексических единиц способствует выработке научного представления о многоаспектной природе слова, а сами метафорические номинации лица выступают как оригинальный материал для осмысления материальной культуры человека, его мировосприятия, интеллектуальной и эмоциональной жизни.

Литература

1. Лукьянова, Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения: учебное пособие / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: Новосибирский университет, 1983. – 79 с.